

20

На правах рукописи

Васильева Татьяна Валерьевна

**РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда 2008

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
ГОУ ВПО «Новгородский государственный университет им Ярослава Мудрого»

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор
Виктор Викторович Дудкин

Официальные оппоненты.

доктор филологических наук,
профессор
Ростислав Юрьевич Данилевский

кандидат филологических наук,
доцент
Рожкова Татьяна Васильевна

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «29» сентября 2008г. в 14 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.031 03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ГОУ ВПО «Вологодский государственный университет» по адресу. 160035, Вологда, пр Победы, 37, ауд 71

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вологодский государственный университет».

Автореферат разослан

«27» августа 2008 г

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Л. И. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последнее время в отечественном литературоведении наблюдается повышенный интерес к вопросам рецептивной эстетики и специфике использования переводчиками изобразительных средств, применяемых для адаптации иноязыкового текста в принимающей культуре. С 90х-гг. прошлого века всё актуальнее становится научное обращение к творческому наследию великих русских писателей именно в плане его рецепции чужой культурой. К числу таких писателей, безусловно, принадлежит Фёдор Михайлович Достоевский, который по праву считается самым востребованным феноменом русской культуры за рубежом. В таком ракурсе исследование поэтики его индивидуального стиля непременно предполагает анализ особенностей его восприятия не только родным, но и зарубежным читателем, а также учёт опыта как отечественного, так и зарубежного литературоведения.

История знакомства с произведениями Ф.М. Достоевского в немецкоязычных странах, основные этапы восприятия его творчества критикой этих стран и влияние великого русского писателя в целом на немецкоязычные литературы XX века изучены сегодня достаточно полно. В этом плане следует отметить немногочисленные, но весьма авторитетные монографии В.В. Дудкина (1969, 1973), Марлиз Ингрид Акерман (1986), Д.О. Добровольского (2002, 2003, 2004, 2005, 2006), Т.М. Мотылевой (1960, 1978), Г.М. Фридлендера (1965, 1979, 1985).

Восприятие произведений автора, пишущего на другом языке, – это всегда чтение *перевода* этого произведения, это всегда знакомство с *адаптированным*, не оригинальным, *текстом*. По мнению многих исследователей, процесс перевода художественного произведения является тем базисным элементом, от которого в значительной мере зависит его восприятие иностранными читателями, оценка его в зарубежной критике и возможность его влияния на общественное сознание и на литературный процесс внутри страны. Практически все литературоведы подчеркивают, что одним из самых существенных аспектов адекватного восприятия автора за рубежом является не механическое калькирование его индивидуального стиля переводчиками, а именно его *воссоздание*. В этом плане исключительной важностью обладает исследование переводческих приёмов, с помощью которых формируется адекватное восприятие оригинала.

Началом зарубежного научного опыта комплексного исследования переводов произведений Ф.М. Достоевского можно считать 1986 год, когда в Германии публикуется докторская диссертация Марлиз Ингрид Акерман, дающая анализ различных переводов «Великого Инквизитора». Переводы же других романов Ф.М. Достоевского на немецкий язык, в частности «Преступления и наказания», никогда не являлись объектом специального

литературоведческого анализа. Данный факт и предопределил направление нашего научного интереса. Именно поэтому, а также в связи с громадным интересом к роману «Преступление и наказание», который мы наблюдаем в современной Германии, переводы этого произведения привлекли наше внимание в качестве объекта исследования. Таким образом, объектом настоящего диссертационного исследования стали *переводческие версии* романа «Преступление и наказание», выполненные выдающимися немецкими переводчиками, каковыми мы признаём Ганса Мозера, Е.К. Разина и Германа Рёля. **Предмет** же исследования формулируется нами как *воссоздание индивидуального авторского стиля переводчиками*.

Актуальность и новизна диссертации определяется не только малоизученностью специфики интерпретации немецкими переводчиками творчества Ф.М. Достоевского на примере одного из самых читаемых в Германии романов – «Преступления и наказания», но и отсутствием в отечественной литературоведческой практике удовлетворительных сведений о немецкой переводческой традиции, в контексте которой творили Г. Мозер, Е.К. Разин и Г. Рёль.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении *своеобразия творческих интерпретаций* «Преступления и наказания» Г. Мозером, Е.К. Разиным и Г. Рёлем и анализе в целом немецкого контекста восприятия индивидуального стиля Ф.М. Достоевского. Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1 дать комментарий немецкой культурной ситуации рецепции романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского;
- 2 дать обзор критических исследований и выявить основные стратегии анализа переводов произведений Ф.М. Достоевского,
- 3 раскрыть закономерности становления самобытной переводческой традиции в Германии, последовательно описывая этапы ее эволюции;
- 4 установить конкретные приемы, используемые Г. Мозером, Е.К. Разиным и Г. Рёлем при воссоздании индивидуального стиля Ф.М. Достоевского;

Материалом для исследования послужил текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на немецкий язык Г. Мозером, Е.К. Разиным и Г. Рёлем.

Методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурный. Для уяснения процесса воссоздания индивидуального стиля Ф.М. Достоевского в переводах Г. Мозера, Е.К. Разина и Г. Рёля необходимо было представить специфику их восприятия в Германии, провести сравнительный анализ оригинала и выбранных для исследования переводов. При анализе мы ограничились наиболее релевантными, с нашей точки зрения, эпизодами романа, которые дают

возможность максимально полной оценки качества переводческой деятельности.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1 Для русской литературы перевод выдающихся её произведений чрезвычайно важен, так как она получает громадный опыт зарубежного прочтения и расширяет, тем самым, границы своего бытования. Перевод художественного произведения – это всегда обогащение глубоко национального «видения предмета» дополнительным «смысловым спектром», который часто не виден отечественному читателю, но понятен зарубежному
- 2 Качественный перевод классического произведения, каковым и является роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», возможен только в рамках сформировавшейся и имеющей достаточно сильную традицию, национальной школы перевода. И именно такая школа сложилась в Германии на рубеже XIX–XX вв. Её самобытность заключается, с одной стороны, в строгом идейно-содержательном следовании оригиналу, а с другой стороны – в творческом *воссоздании* индивидуального стиля писателя.
- 3 Воссоздавая стиль и творческую манеру автора, переводчик *интерпретирует* его, привлекая для этого все возможные ресурсы родного языка, «изобретая» собственные технические приёмы перевода. Талантливый переводчик – это прежде всего *интерпретатор*, а не простой транслятор. Таковыми переводчиками романа «Преступления и наказания» в Германии стали Ганс Мозер, Е. К. Разин и Герман Рель, давшие немецкому читателю собственные *переводческие версии* великого романа.
- 4 Ганс Мозер предоставил Германии «немецкого Достоевского». он строго придерживается социально-бытового плана оригинала, но «онемечивает» его основных действующих лиц – героев Ф. М. Достоевского. Перед читателем этой переводческой версии «Преступления и наказания» разворачивается конфликт между *немецким* бедным студентом и пытающимся его уличить *немецким* полицейским. Достигается подобный эффект активным привлечением немецких лексических ресурсов, не являющихся языковыми эквивалентами русским (особенно выделяется в этом плане национальный паремиологический фонд, задействуемый Мозером), использованием особых морфологических единиц, которые исключительно по мнению Ганса Мозера являются единственно возможными в данных контекстуальных условиях, а также отходом от оригинального графического оформления романа особенно в тех его частях, где автор раскрывает личность главного героя и его взаимоотношения с окружающим миром. При этом роман Ф. М. Достоевского получает и новую – не присущую ему в оригинальном

авторском видении – политическую трактовку: это уже роман о борьбе идеологий, а не детектив и не психологический анализ, каковым представлял роман «Преступление и наказание» в предыдущей немецкой интерпретации.

5 Е.К. Разин скрупулезно следует идейно-композиционной структуре романа, чем и дает возможность читателю «прочувствовать» дух романа. В отличие от версии Мозера перед нами именно тот русский Раскольников, о котором писал Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» в переводческой версии Е.К. Разина – это прежде всего философский роман: переводчик заостряет внимание на мельчайших эмоциональных и психологических оттенках внутреннего мира героев, много внимания уделяет описанию взаимоотношений героев, в связи с чем приписывает и дописывает за автора то, чего в романе изначально не было (множество пояснений в сносках, много новых – собственных – графических средств выделения (например, скобок) там, где Ф.М. Достоевский их не предполагал и т.д.). Язык перевода Е.К. Разина – это практически идеальное следование оригиналу. Основной прием, с помощью которого Разин переводил роман может быть охарактеризован как акцентирование стилистических преимуществ романа, составляющих доминанту идиостиля Ф.М. Достоевского.

6 Герман Рёль выступает в качестве комментатора произведения другого автора. Его переводческая интерпретация «Преступления и наказания» – это развернутое пояснение к роману Ф.М. Достоевского – великого русского писателя. Рёль старается в своей версии перевода романа объяснить немецкому читателю каждую деталь, каждое слово. Тщательно детализируя каждую мысль, каждый жест героев, он отходит от оригинала, и в результате его воссоздание стиля Ф.М. Достоевского порой превращается в собственное повествование (достаточно в этой связи упомянуть, что по объему переводческая версия Реля значительно больше, чем оригинальный текст Достоевского). Стремясь полностью донести до читателя содержание великого романа, он многократно поступает синтаксическим и графическим оформлением, отдавая предпочтение точной передаче речи героев и эмоциональной обстановки. «Комментируя» подобным образом роман, переводчик даёт возможность читателю самому «написать» свой индивидуальный вариант «Преступления и наказания», как бы предоставляя возможные варианты интерпретации самых сложных его мест.

Научно-теоретическая значимость диссертации определяется тем, что:

- 1) описан и обобщен опыт комплексного освоения переводов произведений Ф.М. Достоевского в Германии; 2) научно изложен процесс формирования самобытной переводческой традиции, выделена ее национальная специфика, 3)

впервые систематизированы и прокомментированы индивидуальные интерпретации переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык.

Научно-практическая значимость заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы на семинарах и практических занятиях по русской и зарубежной литературе, а также в спецкурсах переводоведческого цикла. Кроме того, результаты работы могут оказаться полезными и в плане дальнейшего изучения опыта восприятия творчества Достоевского зарубежным читателем.

Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли апробацию на кафедре зарубежной литературы, кафедре теоретической и прикладной лингвистики и кафедре немецкого языка НовГУ. По основным результатам диссертации были прочитаны доклады на научных конференциях в Новгородском государственном Университете имени Ярослава Мудрого: «Дни науки» (апрель 2000 – 2007, Великий Новгород), Международной научной конференции «Культурный контекст в гуманитарном образовании» (май 2004, Великий Новгород). Основные положения исследования изложены в 11 публикациях.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка литературы, включающего 315 источников использованной литературы на русском и иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, определены предмет, объект, цель и задачи исследования, раскрыты его новизна, научно-теоретическая и практическая значимость.

В главе I «Немецкое восприятие романов Ф.М. Достоевского» выявлены важнейшие этапы восприятия романа «Преступление и наказание» немецким читателем, систематизированы подходы к изучению его переводов в Германии и России. Основное внимание здесь уделено процессу формирования особого взгляда немцев на идейно-художественное своеобразие романа. Этот процесс прошел несколько этапов:

1 *ранний этап (1846-1882)*. Он представлен небольшим количеством литературно-критических статей эпизодического и случайного характера, не претендующих на строго научный подход и отличается поверхностной оценкой значимости автора для литературного процесса,

2 *период натурализма (1882-1886)*, который открывается переводом В. Генкеля и преимущественно выражается в следовании всем специфическим чертам данного литературного направления: интерес к социальной стороне

жизни персонажей, обусловленность их идейных позиций и поступков влиянием среды и ярко выраженный психологизм;

3 смена направления в освоении романа наступает в 1885 году с выходом книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Период становления адекватного понимания романа (1886-1921) обнаруживает сочетание сначала независимых, но в дальнейшем тесно переплетающихся тенденций: экзистенциальная, неоромантическая, экспрессионистская, социально-демократическая. Окончательное формирование научно-критического видения романа происходит к 1921 году, когда немецкие критики и писатели уже довольно чётко сформулировали свое мнение об индивидуальном стиле Ф.М. Достоевского;

4 период апогея интереса к слову Ф.М. Достоевского (1921-1925) как к конечному ответу на большие вопросы современности, единственному источнику решения общечеловеческих проблем,

5 современный период, что продолжается по текущий момент и отличается вдумчивым и критическим отношением к творчеству этого великого русского писателя, при этом, наряду с появлением новейших интерпретаций творчества автора, сохраняется ориентация на традиционные, канонические тексты.

Период с 1886 по 1921 год наиболее интересен, и прежде всего потому, что здесь мы находим самую богатую палитру мнений о творчестве Ф.М. Достоевского и можем проследить на примере наиболее авторитетных и творчески исполненных переводов той эпохи взаимовлияние литературного и переводческого процессов. К 1925 году в Германии, по словам Генриха Белля, в Достоевском многие видели автора, который «был в состоянии высветить глубочайшие основы драматических событий в России» (Г. Белль). В это время появилось уже достаточное количество исследований о творчестве Ф.М. Достоевского, как и, собственно, переводов его оригинальных произведений. Все они были выполнены в период роста известности писателя, апогей интереса к которому приходился, по мнению В.В. Дудкина, уже на 1920-1925 годы, когда наступает «инфляция Достоевского» (В.В. Дудкин). И именно тогда Г. Мозер, Е.К. Разин и Г. Рель предоставили широкой публике свои переводческие версии романа «Преступление и наказание», которые, по мнению самых авторитетных исследователей переводов Достоевского – М.И. Акерман и Д.О. Добровольского, обеспечивают беспрепятственное понимание текста читателем, не теряя однако и основные специфические черты авторского стиля (Д.О. Добровольский). Перевод Г. Мозера открывает собой эпоху формирования адекватного восприятия романа немецким читателем, вершиной которой, по признанию критики, являлись переводы Г. Реля и Е.К. Разина.

Глава II «Становление школы перевода в Германии» посвящена анализу процесса становления школы перевода в Германии и определению ее

специфики. В каждом параграфе представлены наиболее значительные персоналии и выявлено новаторство их подхода.

Мы используем термин школа перевода, т.к. он, по нашему мнению, в наибольшей степени отвечает всем основным критериям, присущим переводческой традиции, рассматриваемой в определенных пространственно-временных рамках. Неслучайно мы отметили, что переводческой традиции в Германии следует придать статус национальной школы по аналогии с понятием «литературная школа», под которым обычно понимают группу писателей или поэтов, объединенных общностью или близостью мировоззрений, особенностями идейно-художественного творчества и испытывающих влияние великого писателя – современника или предшественника.

Немецкую переводческую традицию отличает не только общность в мировоззрении немецких переводчиков, но и наличие фигуры, чья деятельность, безусловно, сказалась не только на развитии исключительно переводческого процесса, но и оказала принципиальное влияние на всю культурную жизнь Германии. Это был Мартин Лютер. Его основная заслуга состоит не только в том, что он впервые познакомил своих соотечественников со Священным Писанием на родном языке, но и в том, что он заложил этим основу для формирования немецкого литературного языка и, в целом, для расцвета литературной деятельности на всей территории современной Германии. Значительную роль в формировании немецкой школы перевода сыграла также деятельность представителей эпохи барокко и классицизма – Г.Э. Лессинга, Г.А. Бюргера, И.Г. Гердера и И.Г. Фосса. На первый план в их работах выходит не буквальное заимствование чужих культурных ценностей, но творческое их применение в сочетании с ярким национальным колоритом. Новаторские идеи И.В. фон Гете о национальной самоидентификации, вне всякого сомнения, также существенно обогатили культуру перевода. Конкретные описания идиостиля, а именно данное определение мы и разумеем наиболее точно отвечающим представлению об индивидуальном своеобразии языковой личности И.В. фон Гете и В. фон Гумбольдта, впервые были даны немецкими романтиками.

Окончательно утвердил установку на полноценное воссоздание индивидуального стиля переводимого автора основатель современной теории перевода – Фридрих Шлейермахер (1768–1834). Мы считаем, что немецкие переводчики не пытались, как их зарубежные коллеги, совместить две стратегии воссоздания единиц текста: смысло-содержательную и формальную, а, напротив – стали распознавать их. Особо подчеркнем, что представители именно немецкой школы перевода пришли к заключению, согласно которому перевод следует понимать как самобытную творческую деятельность, в результате которой не рождается новое произведение, а отстраивается заново оригинальный текст. При этом ими допускалась и определенная свобода в

выборе стандартных языковых средств, но не в истолковании индивидуального стиля автора.

Итак, немецкая школа перевода — это прежде всего: повышенное внимание к личности автора и особенностям его индивидуального стиля; учет различий в строе языка оригинала и языка перевода; тщательный подбор эквивалентов и, в особенности, стремление к максимальному сохранению деталей национального колорита и национального менталитета.

В главе III «Воссоздание индивидуального стиля Ф.М. Достоевского: переводы романа “Преступление и наказание”» осуществлен разбор следующих эпизодов: портреты Раскольникова (на материале первой части романа) и Свидригайлова, второй диалог Раскольникова и Порфирия Петровича. Кроме того, отдельно был выделен такой важный аспект, как сохранение национального своеобразия (по первой части первой главы) переводчиками. Эти эпизоды являются особыми «реперными точками» (термин Д.О. Добровольского), т.е. наиболее релевантными отрезками текстового пространства произведения. В качестве таковых мы выделили портрет, пейзаж (как деталь портретной характеристики) и диалог. Именно они дают возможность вполне объективно оценить качество переводов.

Итак, **Раскольников**. Весьма примечательно, что в Германии роман «Преступление и наказание» знали именно по имени героя — Родион Раскольников. Это было обусловлено, несомненно, индивидуальным видением каждым переводчиком главного действующего лица романа и той огромной ролью, которую они отводили в романе Родиону Раскольникову.

Ганс Мозер направляет свое внимание на обоснование мыслей и поступков главного героя. Он находит для него понятные читателю оправдания, дает однозначные оценки его действиям. Так, в оригинале Раскольников считает убийство старухи только средством преступления границ дозволенного, наваждением. Переводчик же оправдывает убийство тем, что старуха была уже больна, и он хотел ей только помочь умереть: *...sie war schon krank, ich wollte ihr nur schneller beistehen. Ich habe keinen Menschen getötet ...* — ‘Она была уже больна, я только хотел ей помочь. Я не убивал человека’. Раскольников не признает, что он убил человека. В оригинале же герой в большей степени, нежели в переводе Ганса Мозера, сомневается в своем поступке и мучается от данной ему свободы воли.

Далее, в переводе мы видим героя еще сомневающимся, но уже принявшим окончательное решение, т.к. его беспокоит не только моральная сторона вопроса, но и огласка: окружающие люди могут узнать о его поступке! *Allein der Gedanke an das Ruchbarwerden verursachte... Übelkeit und Entsetzen* — ‘Одна мысль об огласке вызвала дурноту и ужас’. Переводчик выбирает весьма показательное слово *ruchbarwerden*, которое означает ‘становиться известным, быть преданным огласке, вынесенным на общественное суждение’:

Раскольников страшит не преступление, процесс убийства старухи, а то, что люди могут подумать, узнать об убийстве, поймать его. Он молит Бога указать путь, на котором он освободится от своей проклятой мысли: *...den Weg, auf dem ich mich befreie von meinem verwünschten – Gedanken*. И его действительно кто-то освобождает, как пишет далее переводчик *Die Last, an der er den ganzen Monat hindurch gekrankt, war plötzlich von seiner Brust genommen, und frei, frei war es ihm nun zu Mute*– 'Тяжесть, мучившая его весь месяц, внезапно была снята с его груди, и свободно, свободно стало теперь у него на душе'. Г. Мозер конкретно указывает и силу, которая влекла героя: *Er fühlte sich nun ledig von jenem teuflischen Bahn, jener Versuchung* – Им овладел черт, его мучило дьявольское искушение. Впечатление от странной усмешки героя – *lächelte unheimlich* – характеризует героя немцу только как отрицательного персонажа, поскольку *unheimlich* означает 'жуткая', а также 'демоническая'. В оригинале же освобождение, напротив, исходило из переполненной страданием души Раскольникова.

Переводчик также устраняет одну из главных мыслей Раскольникова о *своем новом слове*, о своем новом законе установителей человечества: здесь не передано слово «собственная». *Einen neuen Schritt, irgend eine neue Idee*– 'новый шаг, какую-нибудь новую идею'. Г. Мозер нарушает и интонационный рисунок обоих предложений, мысль у него закончена, нет её обрыва. Раскольников не думает, а как бы излагает заранее спланированную речь. Слова Раскольникова *это уж аксиома* Г. Мозер передает описательно, сужая значимость этой фразы: *Dies ist unzweifelhaft* – 'Это несомненно'. В оригинале герой только называет идею аксиомой, но на самом деле полон сомнений, и весь роман представляет историю его сомнений и переживаний. Более того, Раскольников сомневается в необходимости и серьезности своей планируемой "пробы", но пытается сам себя успокоить. Свое "*дело*" он называет косвенно – *это*. Курсив является здесь средством выделения, репрезентации рематических компонентов высказывания. Слово "*это*" в переводе Г. Мозера не выделено курсивом, что явно нарушает идею автора. Вместо того чтобы перевести авторский эвфемизм *думал о царе Горохе*, Г. Мозер прибегает к приёму описания – *und getraumt habe* – 'и мечтал' – и этим отступает от авторского текста, т.к. Раскольников не мечтает о счастливом будущем, а с тоской думает о прошлых временах, до «идеи». Г. Мозер указывает: *begnüge mich mit Phantasieen*, т.е. Раскольников довольствуется только фантазиями.

Нашу мысль подтверждает и другой пример из его перевода. Переводчик не заостряет особого внимания и на бедственном положении героя. Раскольников просто *war arm*– 'был беден'. Слово *beden* не передает той глубины отчаяния, которая наполняет героя, а означает просто *неимущий, не имеющий достаточных средств к существованию*, что не соответствует оригиналу.

Г. Мозер указывает, что герой забросил свои *повседневные занятия*: *tagliche Beschäftigung*. Дело в том, что данное выражение означает буквально *Beschaffung von Lebensunterhalt* – ‘зарабатывать на жизнь’, однако не имеет дополнительного смыслового оттенка слова *насущенный*, который проявляется в ассоциативном ряду с устойчивыми выражениями *насущенный хлеб*, *насущенный интерес*, *насущенный вопрос*, имеющий не только практическое, бытовое значение, но и связанное также со всем смыслом жизни человека. Автор усиливает его использованием инверсии *дела свои*, которая не отражена Г. Мозером при переводе.

Дополнительные оттенки добавляет и психологическая характеристика героя. Выражение, которое употребляет Г. Мозер – *abgeschlossen sein* – имеет богатую палитру значений – от *in sich verschlossen* – ‘скрытый’, ‘замкнутый’, *zurückhaltend* – ‘сдержанный’ до *menschenscheu* – ‘нелюдимый’, *kuhl* – ‘расчетливый’, ‘трезвый’, что в дальнейшем облегчает ему выбор лексических единиц в зависимости от контекста. Здесь уместно также отметить, что вместо *труслив* и *забит* Г. Мозер использует прилагательные *menschenscheu* – ‘нелюдимый’ и *geschlossen* – ‘закрытый’, которые совсем не отражают угнетенность его условиями жизни, сомнениями, идеями и пр. Он объединяет единым инвариантом *menschenscheu* и *geschlossen* оба предложения и этим способствует более глубокому пониманию важности выбора слов Ф.М. Достоевским.

Раздражительное и напряженное состояние Раскольникова Г. Мозер переводит как *Zustand der Verbitterung* – ‘озлобленное состояние’, подчеркивая его душевные страдания, но страдания другого рода, нежели в оригинале. Это – обида на несправедливость окружающего мира и огорчение от того положения, в котором он оказался, что говорит о несколько небрежном отношении переводчика к словам автора.

В переводе *Е.К. Разина*, несомненно, наблюдается некоторое сходство с трактовкой Г. Мозера. переводчик тоже акцентирует фактический, а не эмоциональный план высказывания. Е.К. Разин использует не совсем уместный в данном случае фразеологизм *war arm wie eine Kirchenmaus*, что является эквивалентом русского «беден, как церковная мышь». Это выражение буквально означает. мышь в церкви ничего не может съесть, там просто ничего нет, и в этом ее беда. Эффект усиливается и тем, что Е.К. Разин передает только смысловой компонент, связанный с учебой, а именно *seine Studien* – ‘его уроки’, с занятиями, уроками, которыми пропала охота заниматься. Раскольников же задавлен бедностью!

Психологические характеристики усиливают сложившееся впечатление. В оригинальном тексте романа мы находим и указание на причину состояния Раскольникова. Е.К. Разин выбирает в качестве эквивалента прилагательные *feige* – ‘трусливый’ и *schuchtern* – ‘робкий’. Ощущение обиды, несчастия,

неудачи, мучений немецкого Раскольникова, которые заметит внимательный читатель перевода, подкрепляется и употреблением выражения: *lächelte etwas bitter* – ‘как-то горько усмехнулся’. Оно имеет синтаксический ряд от *argerlich* – ‘злобно’ до *schmerzlich* – ‘болезненно’. Переводчик затрагивает только фактический план высказывания, а не эмоциональный, что совсем не соответствует эмоциональной силе авторского выражения и негативно влияет на восприятие его перевода.

И тем не менее, именно внутреннему миру героя, а не внешним социальным его характеристикам уделяет особое внимание Е.К. Разин. Для перевода оборота *уединиться от всех* он использует синонимическую пару *sich abgesondert* – *in sich zurückgezogen* – ‘отдалиться’ – ‘уйти в себя’, что адекватно отражает слова Ф.М. Достоевского. Он предпочитает, в первую очередь, передавать разговорный оттенок, как в данном случае: *in sich verböhrt* – ‘углубленный в себя’ с инвариантом *in sich beschränkt (umg.)* – ‘ограниченный’.

Е.К. Разин по возможности точно передает слова героя. Только этот переводчик выделяет, как и автор, знаменитое “это” курсивом. Дополнительный эффект создается тщательным анализом лексической сочетаемости слов: к нейтральному *über Unmögliches* – ‘о невозможном’ – он добавляет стилистически заниженное *spintisierte*, аккуратно воспроизводя речь Раскольникова, т.к. глагол *spintisieren* означает (бесплодно) *мечтать, фантазировать*. Данное сочетание, конечно по-своему, но достаточно верно передает эвфемизм *думал ...о царе Горохе*.

В отличие от Мозера и Разина, *Герман Рэль* при характеристике Раскольникова серьезно подходит к анализу различных аспектов восприятия романа, обращает особое внимание на сложный мыслительный процесс героя, поэтому его трактовка образа не заслуживает специальных критических замечаний. Описание условий жизни Раскольникова более соответствует действительным, чем в других переводах: Г. Рэль находит более удачный, чем у Г. Мозера, эквивалент *die Armut hatte ihn völlig überwältigt*: т.е. бедность полностью подавила Раскольникова, взяла над ним верх. Герой не просто не хочет работать, как было указано в переводе Г. Мозера, он *бросил зарабатывать на хлеб насущный* – *..auf Brotarbeit verzichtet.... Brotarbeit* означает не только *Tätigkeit* – ‘деятельность’, но и *Beschaffung von Lebensunterhalt, Broterwerb* – ‘зарабатывание средств на жизнь’, ‘работа ради куска хлеба’. Переводчик расширяет смысловую палитру: *er hatte keine Lust mehr zu irgendeiner Tätigkeit* – ‘у него не было больше охоты к какой-либо деятельности’, т.к. слово *Lust* имеет два значения *Verlangen* – ‘жажда’ и *Freude* – ‘удовольствие’, которые дополняют друг друга.

Раскольникову как раз необходимо сделать *пробу* своей теории. Излишний в данном контексте приём расширения *die allgemeine Regel*. – ‘общее правило’ – имеет более широкое значение, чем *аксиома*, т.к. она означает

правило, не требующее доказательств. При этом пропадает и негативный, и разговорный оттенки самой фразы. Мы выяснили, что Г. Рёль часто буквально передает смысл оригинала, считая достаточно ясным смысл выражения. Это относится, например, и к случаю воссоздания авторского варианта «дело, вещь»: *Eine so große Sache plane ich* – ‘Такое большое дело планирую’. Г. Рёль поступает и далее по-своему. вместо “это” использует *das Bewusste* – задуманное, умышленное. Это, несомненно, лучше передает оригинал, нежели вариант Г. Мозера, но уступает находке Е.К. Разина.

Итак, в результате трёх переводов Раскольников предстает перед немецким читателем в совершенно различных интерпретациях: он и просто бедный студент, который решил совершить доброе дело и не мучается от угрызений совести, он и злобный, несчастный молодой человек без особых средств к существованию, который рискует пойти на убийство, пытаясь разрешить вечные вопросы. Каждый переводчик идет своим путем: Г. Мозер старается облегчить читателю понимание игры слов и мотивировок поступков героя, Е.К. Разин творчески ищет новые средства для достижения эффекта оригинала, а Г. Рёль придерживается буквы текста, предоставляя читателю додумать самые сложные его места.

Порфирий и Раскольников. Рассмотрим теперь, как переводчики передают вставки, которые поясняют читателю, какие именно словечки Порфирия пугают и настораживают героя. Авторские ремарки здесь играют большую роль.

В переводе Г. Мозера Раскольников выдает себя на каждом шагу, а Порфирий почти не делает промахов. неосторожность только со стороны Раскольникова – *Seine Unvorsichtigkeit...* – ‘его неосторожность’. Далее, переводчик, вместо того, чтобы описать ситуацию с точки зрения героя – *выходило, что Порфирий Петрович как бы смеется...*, – дает логическое обоснование причин неосторожности Раскольникова: *Unvorsichtigkeit ging aus zwei Umständen hervor. Erstens dadurch daß er, als Porphyrius Petrowitsch seinem Besuch in das Gesicht lachte, dieses Lachen voll Ärger aufnahm...* – ‘неосторожность имела две причины. то, что он явно показал гнев в ответ на смех Порфирия’.

Переводчик, следуя выбранной им линии объяснения последствий смеха Порфирия, отступает от авторской пунктуации и добавляет от себя *кроме того: . dann aber. .*, что является, на наш взгляд, недостатком перевода этого отрывка. Достоевский же далее ставит точку и начинает новое предложение: *...и очень мало. . конфузится от этого обстоятельства. Последнее было...* Добавим, что Г. Мозер вразрез с оригиналом передает слова, комментирующие реакции Раскольникова в ответ на речевое поведение Порфирия, не выделяя их графически для читателя.

Уточним, однако, очень важное достижение переводчика: стиль Г. Мозера отличается особой тщательностью при передаче стилистического своеобразия речи героев, и в то же время он иногда позволяет себе отступить от оригинального текста, особенно при передаче реакций Раскольникова на словесные провокации Порфирия, а также смягчает характер его выпадов против Раскольникова.

Е.К. Разин же точно воспроизводит авторскую идею поединка, но всё же творчески подходит к тексту романа. Разин добавляет от себя *unverhohlenen Untut* – ‘нескрываемая досада, негодование’, тем самым дополнительно обращая внимание на душевное состояние Раскольникова, тогда как в оригинале – *. мало конфузится...* Переводчик меняет и порядок слов в предложении на обратный. Реакции Раскольникова полноценно переданы переводчиком с помощью графического выделения вводных предложений.

В переводе Е.К. Разин выделяет в различных местах *дополнительно* пояснения и мысли главного героя. Например, в эпизоде, где Порфирий вдруг упоминает о квартире старухи, Е.К. Разин выделяет графически – с помощью скобок – реакцию героя (*Wie er weiss also von der Wohnung? dachte er plötzlich, und er erzählt es mir selbst!*). Раскольников потрясён ходом игры Порфирия. Оба они видят друг друга насквозь. Е.К. Разин и здесь дополнительно графически подчёркивает важность этих слов. Это свидетельствует уже не о единичном факте использования определенного приема, а об определенном методе в работе над переводом, заключающемся в стремлении обратить внимание читателя на их важность.

Герман Рёль действует по-своему: он описывает состояние Раскольникова со стороны как бы глазами стороннего зрителя: *Ein Mangel an Vorsicht war ubrigens auf beiden Seiten deutlich; denn..*, – ‘Недостаток осторожности однако был очевиден с обеих сторон.., т.к.’, что соответствует авторской идее. Он, как мы полагаем, тщательно анализирует ситуацию и передает только те черты, которые укладываются в логические рамки ее возможных причин и последствий

Психология героев, раскрывающаяся во вставках, оставлена у него в скобках: Г. Рёль, конечно, точно следует авторским знакам в тексте. Однако нельзя сказать, что перевод Рёля более адекватен, чем перевод Г. Мозера, поскольку буквальное копирование не всегда обеспечивает удачный результат при переводе из-за различий в языковых полях. Г. Рёль часто разрывает абзацы. Как нам кажется, он делает это неслучайно и в соответствии с логическим членением текста. Так, в приводимом нами примере, сначала речь идет о действиях Порфирия – *проговорил шепотом прямо приказывал, строго, нахмутив брови и как будто разом нарушая все тайны и двусмысленности*. В следующем же абзаце переводчик представляет уже действия и ощущения непосредственно Раскольникова на слова и действия следователя. Г. Рёль

представляет сначала причину озадаченности героя, и, лишь затем, ее последствия.

В ответ на слова Раскольникова: Не могу переносить.. вместо провоцирующей фразы Порфирия: *Чего-с? Неизвестности-то?* Г. Рель и здесь более буквален, он представляет нам Порфирия таким, каким его даст автор, то есть практически дословно воспроизводит фразу Порфирия. Сравнив с вариантами других переводчиков, мы получим следующую картину: Г. Мозер, в соответствии с заявленной им трактовкой текста, использует более грубую и язвительную: *Was? Unerträglich? – 'Что? Невыносимо?'* В переводе слова Порфирия даны в виде модальной реакции на предшествующее замечание Раскольникова. Он использует возможность, чтобы применить другой характерный прием сцепления фраз Ф.М. Достоевского, а именно – цитатный вопрос. Е.К. Разин, в свою очередь, заменяет фразу Порфирия на нейтральную. *Ja. Was folgt daraus? – 'Да Что из этого следует?'*

Итак, несмотря на некоторые отступления, так сказать, от духа и буквы оригинала, переводчики всё же максимально стараются сохранить содержание диалога. Существенным, на наш взгляд, достижением проанализированных переводов является творческий подход к отражению игры Порфирия с Раскольниковым.

Свидригайлов. Немецкие критики, например Томас Манн, видели в образе Свидригайлова такого же преступника, как и главный герой, и приписывали ему участие в политических кружках и заговорах. По их мнению, он, как и Порфирий, разочаровался в реформах. Причины подобных взглядов следует искать в переводах.

Ганс Мозер указывает на явную склонность Свидригайлова в молодости к политическим клубам и союзам и всему, что ещё там считается прогрессом и которых теперь не касается: *Bezüglich Euer Klubs und Bunde, oder was Ihr sonst für Fortschritt kennt, ist allerdings zu sagen, die gehen mich nichts an...— 'В отношении Ваших клубов и союзов, или всего, что Вы считаете за прогресс, скажем, они меня не касаются...'*. Последние же слова героя в оригинале напоминают поговорку. После меня – хоть потоп. Свидригайлов, как мы уже отмечали, так же, как и Порфирий, *поконченный человек, больше ничего. А вы - другая статья. вам Бог жизнь приготовил (а кто знает, может и у вас так только дымом пройдет, ничего не будет)*. Становится понятно, почему многие западные критики, часто опираясь только на слова Свидригайлова, видели в романе нигилистические тенденции.

Г. Мозер вместо слов автора приводит действительные факты поясняющую реформу: *uns hat die ländliche Reform eingenommen, man trainiert jetzt Wald und Wiesen, nichts geht mehr verloren*. Выходит, что Свидригайлов – прогрессивный помещик, которого *захватила реформа*, и он, стал *разрабатывать теперь леса и луга*, у которого ничего более не теряется

впустую. Тогда как в оригинале Свидригайлов устал от жизни и ничем больше не интересуется.

В оригинале Свидригайлов говорит, что он был *шулером*, то есть карточным плутом, мошенником. Г. Мозер, переводя эту самохарактеристику героя, даёт неверный вариант. его подводит очень распространенный курьёз – ложный друг переводчика. Созвучное русскому *шулер* немецкое слово *Schüler* имеет два значения: 1) ученик в школе (*Schüler*), 2) последователь какой-либо идеи, религии или адепт (*Anhänger*). Именно второе значение и выбрал Мозер для своего перевода, и именно это значение давало пищу западным критикам видеть в обыкновенном мошеннике революционного деятеля. Заметим, что Е. К. Разин же и Г. Рель приводят единственно верный, с нашей точки зрения, эквивалент *Falschspieler* – ‘изрок, шулер’.

Следует отметить, что *Е.К. Разин* не выдерживает до конца характер Свидригайлова Свидригайлов – трезвый помещик, считающий каждую мелочь – как бы отчитывается перед Раскольниковым за то, что леса и луга *не отрезали* под предлогом весенних разливов, тогда как они считались в России лучшими землями и приносили больше дохода, чем остальные земли. Е. К. Разин пытается обойтись без комментария, добавляя к авторскому тексту следующие слова: *Uns hat die Aufhebung der Leibeigenschaft nicht weitergeschädigt, uns sind Wälder und Wiesen ungeschmalert verblieben, wegen der Überschwemmungsgefahr am Fluss, das Einkommen ist demnach nicht verhindert worden* → ‘Нас не затронула отмена крепостного права, у нас полей и лесов не убавилось, из-за риска подтопляемости весной, доход поэтому и не убавился’. В его переводе Свидригайлов *...anständig gekleidet und nicht zu den armen Menschen gezählt...* – ‘одет прилично и его нельзя причислить к беднякам’.

А Генрих Рель дорисовывает состояние дел Свидригайлова за автора: *Uns hat die Aufhebung der Leibeigenschaft nicht schwer getroffen; wir haben viel Wald und Überschwemmungswiesen, diese Einnahmen gehen uns nicht verloren* – ‘Нас отмена крепостного права серьезно не затронула, у нас много лесов и заливных лугов, эти доходы мы не теряем’. Кроме этого, он дополнительно поясняет слова автора в сноске. *Bei der Verteilung von Grund und Boden nach der Aufhebung der Leibeigenschaft (1861) wurden in erster Linie die Interessen der Gutbesitzer berücksichtigt...* – ‘При разделе земли после отмены крепостного права учитывались прежде всего интересы помещиков’.

В оригинале Свидригайлов замечает, что никогда не сочувствовал светским увлечениям, сторонится их и теперь. Г. Рель уходит от слов автора, и объясняет все по-своему. *...diese Klubs und diese französischen Restaurants und die ganze moderne Richtung...* – ‘...эти клубы и эти французские рестораны, и все современное направление...’. Мы видим, что переводчик, желая избежать дополнительных пояснений о ресторане Дюссота и местах для прогулок, где отдыхают небедные люди, растолковывает всё описательно. Из его перевода

можно сделать вывод, что Свидригайлов говорит о том, что даже бедняк в приличной одежде может, если захочет, сойти за обеспеченного человека. *Natürlich, ich bin eben anständig gekleidet und gelte als wohlsituirter Mann....* Личного отношения герой здесь не высказывает. Может быть, и он, как и раньше, восемь лет назад, только выдает себя за человека с достатком.

Итак, переводческая интерпретация романа Г. Мозером позволяет отметить у всех основных персонажей определенную политическую направленность. Вариант Г. Рёля этого не выявляет, и во многом потому, что переводчик часто уходит от слов автора и объясняет все по-своему, избегая примечаний к тексту и дополнительных разъяснений. Это, конечно же, приближает немецкого читателя к верному восприятию образов Ф.М. Достоевского. Однако наиболее близки оригиналу персонажи в интерпретации Е.К. Разина. они почти эквиваленты оригиналу.

Особенности русского национального колорита переданы в переводческих версиях Ганса Мозера, Е.К. Разина и Германа Рёля великолепно, но в то же время можно отметить ряд моментов, получивших разную интерпретацию у переводчиков: одежда, предметы, идиоматические выражения, реалии быта, обращения, речь иностранцев и ее самые яркие черты: нарушение норм грамматики, экзотизмы и варваризмы и т.д. Приведем некоторые примеры.

Так, Мармеладов говорит о своем покровителе Иване Афанасьевиче как о *божьем человеке*. У русского читателя это выражение в отношении благодетеля понимается как *орудие для божьих благодеяний, угодный Богу человек*. Дословный перевод Г. Мозера и Е.К. Разина – *Gottesmensch* – может поставить немца в затруднительное положение. для него это Иисус Христос. Буквальное понимание оригинала вызывает неправильную ассоциативную связь у стереотипно мыслящего читателя. Более удачна находка Г. Рёля – *gottgefälliger Mensch* – ‘угодный богу человек’.

Для Г. Мозера слово *сливки* стало «ложным другом переводчика». Слово «сливки» – «Rahm» – он ошибочно принимает за уменьшительное от «сливы». Е.К. Разин и Г. Рель более тщательно подбирают эквивалент и дают немецкий аналог («Rahm»).

Без введения в текст нарочитой экзотики Г. Мозер использует просторечие *Montur* – ‘мундир’ – и *Vicemontur* – ‘вицмундир’ для передачи обмундировки Достоевского. Е.К. Разин же, употребляя в одном и том же предложении диалектное *Uniformrock*, не переводимого на русский язык одной лексемой, и заимствованное из французского *Equiperung* – ‘экипировка’, придает фразе тяжеловесность, и нарушает авторскую стилистику, т.к. Мармеладов вряд ли владел диалектной речью и уж явно не знал французского языка. Г. Рель вводит в этом случае *Dienstanzug* – ‘форма’ и *Uniform* – ‘униформа’, что, с одной

стороны, передает реалию, а с другой, не является экзотизмом и не требует пояснений.

Мармеладов описывает угол, в котором он проживает со своей семьей: *Содом-с, безобразнейший....* Г. Мозер опять не воспроизводит фразу, видимо, затрудняясь с её значением. Пожалуй, самый стилистически нейтральный перевод сделан Е.К. Разиным: *Ein entsetzliches Durcheinander* – ‘ужасная неразбериха’. он не передает чувства глубочайшего отвращения и брезгливости Мармеладова по отношению к другим жильцам дома и к условиям его жизни. Однако более верен, как нам кажется, перевод Г. Рёля, хотя он и добавил отсутствовавшее в оригинале слово *Гоморра*, что не является плюсом переводчику. Не менее интересными являются наблюдения и над другими случаями воспроизведения – и *воссоздания*¹ – национального колорита великого произведения. Это и в обилии употребляемые героями романа библеизмы, варваризмы, диалектизмы, а также речевые характеристики героев-иностранцев и т.д. Все они подробно проанализированы в диссертации.

Итак, в результате проведенного исследования нам удалось установить, что «освоение» творческого наследия Ф.М. Достоевского немецким читателем – это действительно *самобытное явление в культурной жизни Германии и особой значимости событие в истории русской литературы*, поскольку немецкая литература получила русский культурный текст, адаптированный носителями языка на национальной почве, а русская литература, в свою очередь, приобрела громадный зарубежный опыт прочтения. Востребованность именно «Преступления и наказания» Достоевского немецким читателем объясняется во многом теми *новаторскими приёмами*, которые применяли Г. Мозер, Е.К. Разин и Г. Рёль при воссоздании индивидуального стиля Ф.М. Достоевского. Но специфика ситуации заключается как раз в том, что приёмы эти не были до конца «индивидуальной выдумкой» конкретных личностей: все они – следствие сложившейся культурной ситуации, а также итог напряжённой деятельности многих поколений немецких переводчиков и результат творческого озарения выдающихся гуманистов и филологов Германии. Г. Мозер создавал свой перевод в переходную эпоху между двумя литературными стилями – натурализмом и экзистенциализмом. Это не могло не повлиять на его индивидуальный метод работы над текстом. Переводчик хотел воссоздать впечатление от оригинала, и, поэтому, не отказывался от нетрадиционных, оригинальных решений в плане сочетаемости лексических и морфологических единиц, синтаксического и графического оформления романа. Он – мастер адекватного словесного ряда. В отношении перевода Е.К. Разина отметим, что он тщательно выверяет текст на уровне языкового и стилистического соответствия *идейно-композиционному своеобразие* романа. Е.К. Разин – превосходный стилист, который аккуратно и точно воссоздает тончайшие эмоциональные и смысловые оттенки *идиости* Ф.М. Достоевского, а это

свидетельствует в пользу экспрессионистического взгляда на индивидуальное творчество. Г. Рёль же вообще может быть квалифицирован как комментатор, из-за своей склонности к объяснениям и к *скрупулезному анализу каждого слова* автора. Переводу Г. Рёля свойственна ориентация на нормы языка перевода, однако переводчик уделил недостаточно внимания *семантической адекватности* оригинальному произведению. Он нередко жертвует синтаксическое и графическое оформление *адекватному смысловому отражению* речевых действий героев, но учитывает при этом основные акценты многогранного таланта Федора Михайловича Достоевского, что можно объяснить его склонностью к воссозданию «буквы» оригинала и «Слова» его автора. Его перевод отвечал тенденциям времени.

Каждый переводчик, несомненно, допускает неточности в своей работе, но обычно они обусловлены его уникальным личным подходом к пониманию *индивидуального стиля* Достоевского и *приёмам воссоздания* особенностей лексики, морфологии, синтаксиса и идейно-композиционного воплощения оригинала. Нельзя не подчеркнуть столь важные аспекты *творчества* немецких переводчиков, как *сугубо оригинальный, нешаблонный подход* к работе над текстом романа и одновременно *следование традициям* самобытной немецкой школы перевода. Оригинальность немецкой школы перевода проявилась в работах Ганса Мозера, Е. К. Разина и Германа Реля, в частности, в том, что они стремились не *создать новое* произведение, а именно *творчески воссоздать оригинальный текст*, учитывая разносторонние подходы к его пониманию. Анализ переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», выполненных Гансом Мозером, Е. К. Разиным и Германом Релем, подтверждает мнение об уникальности и самобытности введения этими тремя авторами русской литературы в контекст немецкой культуры, а также преемственности их работы в контексте немецкой традиции перевода

Основные положения работы нашли свое отражение в публикациях:

- 1 Васильева Т.В. Немецкий контекст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник НовГУ. Серия „История. Филология“. – Великий Новгород, 2008. – № 47. – 0,5 п.л.
- 2 Васильева Т.В. Речь героев в немецких переводах Преступления и наказания // Вестник НовГУ. Серия „Филология“. – Великий Новгород, 2007. – № 43. – 0,3 п.л.
- 3 Васильева Т.В. Сопоставительный анализ пейзажей в оригинальном тексте и переводе // Вестник НовГУ. Серия „Филология“. – Великий Новгород, 2004. – № 27. – 0,4 п.л.

- 4 Васильева Т.В. Переводы романа «Преступление и наказание» в Германии // Иноязычная культура. Межкультурная коммуникация. Материалы первой международной конференции. – Великий Новгород, 1999. – 0,4 п.л.
- 5 Васильева Т.В. Marmeladow – gleich und verschieden im Roman „Schuld und Sühne“ von F.M. Dostojewskij in den Übersetzungen von H Moser, H. Röhl und E.K. Rahsin // Язык, дидактика и история в аспекте межкультурного общения: Материалы третьей международной конференции, 14-17 мая 2001 года / отв. ред Л.М. Николаева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2002. – 0,4 п.л.
- 6 Васильева Т.В. К вопросу об истории теории перевода в Германии // Культурный контекст в гуманитарном образовании. Материалы междунар конф., 16-18 мая 2004г. / под ред. Л.М. Николаевой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004 – 0,8 п.л.
- 7 Васильева Т.В. Главный герой романа Ф.М. Достоевского „«Преступление и наказание»“ в переводческой интерпретации Г. Мозера // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения: сб. ст. / сост., науч. ред В.В. Иваницкий; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – Вып. 5. – 0,4 п.л.
- 8 Васильева Т.В. Мартин Лютер и его “Послание о переводе” // Культурный контекст в профессиональном образовании и межкультурной коммуникации: Материалы междунар. конф., 14-18 мая 2005г. / под ред. Л.М. Николаевой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2006. – 0,7 п.л.
- 9 Васильева Т.В. К вопросу о методологии анализа переводов прозаических художественных произведений // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения: сб. ст. / науч. ред. В.В. Иваницкий; сост. Н.В. Семенова, НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2006. – Вып. 6. – 0,3 п.л.
- 10 Васильева Т.В. История теории перевода в Германии в VIII – начале XIX вв. [Учеб. пособие] // История теории перевода в Германии в VIII – начале XIX вв. / сост. Васильева Т.В.; НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2007 – 4,25 п.л.
- 11 Васильева Т.В. Анализ переводов Ф.М. Достоевского в отечественной научной традиции // Языковые факты и теория языка: сб. статей, посвященный 60-летию проф В.В. Иваницкого / под ред. Н.В. Семёновой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. – 0,4 п.л.

Подписано в печать 18.08.2008г. Формат 60х84 1/16 Усл. печ. л. 1,2

Тираж 100 экз. Заказ № 86

Типография «Мединфо» 173003 Великий Новгород ул. Духовская 23

ИНН 5321059728